
Альберт Эйнштейн переформулировал принцип «Бритвы Оккама» следующим образом: «Все следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того».

«Следовало бы непрерывную праздность поместить среди мучений ада, а ее поместили в число блаженств рая».

Шарль Монтескье

«— Да, — подтвердил Трапс, — я действительно сыграл со старым гангстером злую шутку. Забавная была ситуация, как помню. По правде говоря, мне до сих пор стыдно в этом признаться — кому охота заглядывать самому себе в душу, идеально чистого белья ведь ни у кого не бывает, но среди таких чутких, понятливых друзей стыдиться как-то смешно, да и не нужно. Странное дело. Я чувствую, что меня понимают, начинаю сам себя тоже понимать, словно знакомлюсь сам с собой, то есть с человеком, которого я прежде знал только случайно...»

Фридрих Дюрренматт.

«Авария»

Глава 1

На этот раз он не собирался лететь в Москву или в Баку раньше конца сентября. Сделав две похожие квартиры с одинаковой планировкой, мебелью, техникой, библиотеками, обоями, даже занавесками и кухонной посудой, он чувствовал себя одинаково уютно и спокойно в обоих городах. Но в Рим его тянуло сильнее всего, там была Джил с

детьми. Хотя длительное пребывание в Италии сказывалось на его самочувствии, он превращался в меланхолика, полагая, что не имеет права на праздное времяпрепровождение. Он становился противен самому себе, ему казалось постыдным проживать в доме Джил, ничем не занимаясь и ничего не делая. Хотя библиотека в этом доме не уступала его двум библиотекам. И здесь были книги на многих языках, которыми он не владел. Джил и дети спокойно читали книги на многих европейских языках, и ему было иногда стыдно признаться, что он не знает ни французского, ни немецкого.

Европа становилась одним общим домом для всех своих граждан. И многие европейцы уже считали нормой для себя знание трех-четырех европейских языков. Если английский был обязательным для мирового общения, то многие европейцы точно так же считали обязательным знать французский и немецкий.

Непосвященному человеку трудно понять, как нормальный средний житель может выучить сразу несколько языков. Но на самом деле в этом нет ничего необычного. Ведь многие европейские языки просто похожи друг на друга, имеют общие латинские корни. Дронго вырос в интернациональном полифоничном Баку, где почти все владела русским и азербайджанским языками, очень непохожими друг на друга. И многие знали еще

другие языки — грузинский, армянский, фарси, арабский, каждый из которых был по-своему очень трудным и весьма непохожим на другие.

Они вернулись в Рим из Испании, с побережья Коста-дель-Луз, где отдохали всей семьей. И пятого сентября раздался телефонный звонок. Это был Эдгар Вейдеманис, звонивший из Москвы.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Эдгар, — как вы отдыхаете?

— Здравствуй. Пока ты не позвонил, у нас было все в порядке. Неужели ты позвонил просто так?

— Я позвонил, чтобы узнать, как вы себя чувствуете.

— Ценю твою латышскую вежливость, — проворчал Дронго, — если ты позвонил, значит, что-то случилось. Говори скорее, что именно? Насчет отдыха я тебе потом все подробно расскажу.

— Тебя ищет один человек, — сообщил Вейдеманис, — очень ищет. Говорит, что только ты сможешь помочь их семье. Он звонит уже несколько дней подряд. Узнал мой телефон и телефон Лени Кружкова. Просит о срочной встрече с тобой. Он даже знает, что ты сейчас в Италии.

Дронго не стал признавать, что обрадовался этому звонку. Значит, он сможет вернуться в Москву и снова заняться привычным делом. Здесь он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Дети

занимались своими делами, Джил работала, и он выглядел как абсолютный лентяй, что было противоположено его деятельной натуре.

— Кто это такой?

— Кирпичников. Николай Данилович Кирпичников. Достаточно известный бизнесмен. И политический деятель. Он сенатор от Новосибирской области в Совете Федерации. Я наводил справки, он очень влиятельный человек, председатель комитета Совета Федерации, один из столпов российского сената.

— Никогда про него не слышал. Ты уже знаешь, зачем он меня ищет? Навел какие-нибудь справки?

— Думаю, что да. Примерно месяц назад в больнице умер младший брат его супруги, Егор Богдановский. Он сын президента крупной металлургической компании. Его отец Аристарх Павлович Богдановский входит в список «Форбса». Он глава компании «Сибметалл» и значится среди пятисот самых богатых людей. И он же является тестем Кирпичникова. Тебя не было в Москве, когда это произошло. В газетах намекали, что это могло быть убийство. Молодой человек умер достаточно неожиданно.

— В больнице? — уточнил Дронго. — Что здесь неожиданного?

— Ему было двадцать восемь лет. Молодой, здоровый, сильный человек. Увлекался гольфом, теннисом. Врачи считали, что у него была язва или что-то в этом роде. Мы сейчас уточняем. Хотя возможно, что сенатор ищет тебя совсем не из-за этого.

— В двадцать восемь лет, и уже язва? Неужели он так плохо питался? Судя по его отцу, в их семье должно быть несколько лишних миллионов долларов.

— Думаю, что несколько сотен миллионов.

— А сколько лет этому сенатору?

— Сорок пять.

— Его тестю?

— Под шестьдесят.

— Давно Кирпичников женат на дочери Богдановского?

— Двенадцать лет. Это его вторая супруга. У них двое детей. Он бросил на твои поиски все свои возможности.

— Ясно. Дай его телефон, я ему перезвоню. И узнаю, зачем я ему понадобился.

— От его имени несколько раз звонили в Баку, искали тебя там. Говорят, он вышел даже на российского посла Истратова, чтобы тот помог тебя найти. Видимо, ты ему очень нужен.

— Продиктуй его телефон.

— Он оставил свой мобильный и городской. Ты записываешь?

— Конечно. Диктуй, — он записал оба номера.

— Когда ты прилетаешь в Москву? — уточнил Вейдеманис.

— Теперь не знаю. Я хотел в конце сентября, но думаю, мне придется вернуться немного раньше, — ответил Дронго.

Попрощавшись с Эдгаром, он несколько минут сидел, глядя на телефон. Словно решал, как ему поступить. Он уже знал, что обязательно перезвонит Кирпичникову и выяснит, зачем он понадобился этому сенатору. Он перезвонил через десять минут. Кирпичников сразу ответил, как будто ждал именно этого звонка. У деятелей такого масштаба обычно бывает с собой сразу несколько мобильных телефонов, и один из них считается самым важным. Как правило, этот номер знают только самые близкие люди — супруга, дети, ближайшие помощники. Возможно, именно такой номер дал Кирпичников Эдгару, чтобы его можно было сразу найти.

— Я вас слушаю, — ответил Кирпичников. Голос у него был сильный. Так обычно разговаривают люди, привыкшие отдавать указания.

— Добрый день. Мне дали ваш телефон, чтобы я вам перезвонил.

— Вы... тот самый... — замялся Кирпичников.

— Меня обычно называют Дронго, — представился он.

— Да, мне говорили. Господин... Дронго, я хочу с вами встретиться. У меня к вам очень важное и неотложное дело. Когда мы можем увидеться?

— Я сейчас не в Москве. Я нахожусь в Европе...

Он никогда не говорил, где именно он находится и где живет его семья. Это было для него абсолютным табу. Но, похоже, это обстоятельство не очень смущало Кирпичникова.

— Нам нужно срочно увидеться, — упрямо повторил сенатор, — и мне абсолютно все равно, где вы. В какой точке Европы. Чтобы вас не утруждать, я готов сам прилететь к вам. Только скажите, куда, и я завтра с вами встречусь.

— Это так важно?

— Исключительно важно. Куда мне прилететь? Только назовите город и место. У меня к вам не телефонный разговор.

— Куда вам удобнее прилететь?

— Нам все равно. Мы можем быть завтра в Риме или в Милане.

Дронго задумался. Вызывать в Рим своего собеседника он не хотел. Достаточно и того, что тот знает, где его искать. Куда еще в Италии есть самолеты из Москвы, чтобы сенатору было удоб-

нее? Кроме Рима — в Милан и Венецию. До Милана можно добраться скорым поездом. Так будет удобнее для них обоих.

— Завтра днем в Милане, — предложил Дронго, — часам к четырем. Успеете?

— Обязательно. Я обычно снимаю номер в отеле «Принц Савойский». Может быть, там и встретимся? Я могу заказать два номера, если вы тоже решите там остаться.

— Нет, — возразил Дронго, — это необязательно. Достаточно будет, если вы там завтра будете меня ждать.

— Обязательно. Отель легко найти. Он находится на площади Республики.

— Я знаю этот отель в Милане.

— Тогда до завтра. Спасибо, что вы согласились на эту встречу. Уверяю вас, что у меня будет к вам деловое и очень выгодное предложение. До свидания.

— До свидания, — Дронго положил телефон на столик рядом с собой и задумался. Если Эдгар прав, то вполне возможно, что господин Кирпичников под влиянием своей супруги или своего тестя хочет выяснить причину неожиданной смерти родственника. И тогда нужно попытаться до завтра навести все необходимые справки. Нужно будет поискать в Интернете и поднять подшив-

ку центральных российских газет. Они наверняка писали о неожиданной смерти сына олигарха.

Он даже не подозревал, что уже завтра начнется его новое расследование, которое приведет к неожиданным результатам. В этот вечер он был оживленным и веселым. Джил обратила на это внимание, но он не стал ей ничего объяснять. И лишь утром, когда он заказал себе билет на скорый поезд в Милан, она поняла, что он снова собирается уехать. Но она знала, что пытаться остановить его бессмысленно. Он взял обратный билет на вечерний рейс и твердо пообещал вечером вернуться.

Ровно в четыре часа дня он вошел в просторный холл известного отеля. И сразу обратил внимание на семейную пару, сидевшую в глубине холла. Кирпичников вальяжно расселся в кожаном кресле, рядом расположилась ухоженная женщина лет тридцати пяти. Немного в стороне находился помощник Кирпичникова, который прилетел сюда вместе с ними. Увидев подходившего Дронго, сенатор поднялся и крепко пожал руку гостю. Он был чуть выше среднего роста, полноватый, грузный, с несколько отекившим лицом и светлыми глазами. Волосы у него были темные, тронутые сединой на висках. На сенаторе был светлый костюм и белая сорочка без галстука. Сидевшая рядом женщина была одета в легкий

брючный костюм бежевого цвета. «Эскада», узнал известную фирму Дронго. В руках у нее была сумочка от Луи Виттона. Такие сумочки с известным логотипом обычно стоили от полутора тысяч долларов. У нее было вытянутое, немного асимметричное лицо. Тонкие губы, карие глаза, прямой нос. Она была коротко пострижена, но все равно было заметно, что она уже успела познакомиться с мастерством пластического хирурга, немного укротив свой нос и убрав морщины вокруг глаз.

Помощник, увидев, как Кирпичников и гость обменялись рукопожатиями, быстро направился к кабине лифта, показывая дорогу. Это был сравнительно молодой человек, лет тридцати пяти. У него были светло-коричневые глаза, рыжие залызанные назад волосы, опущенный кончик длинного носа и заостренный подбородок. Он все время улыбался гостю, словно радовался его появлению больше, чем его хозяева.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться, — немного растроганно произнес сенатор, — пройдемте ко мне в номер и там поговорим. Позвольте вам представить мою супругу. Наталья Кирпичникова.

Женщина протянула руку. У нее была тонкая, изящная кисть. И холодная ладонь. Дронго никогда не протягивал первым руку женщинам. Ска-

зывался его восточный менталитет. И хотя в Америке или в Европе подобное поведение считалось почти предосудительным, учитывая жесткие требования феминисток насчет равноправия полов, он по-прежнему считал, что инициатива должна исходить от его собеседниц. Возможно, он был несколько старомоден, но меняться ему уже не хотелось.

Кирпичников снял самый большой сюит, так называемый президентский номер, в котором был даже собственный бассейн. Они устроились в большой гостиной, отделанной красным шелком. Тяжелые гардины, мебель ручной работы и глубокие кресла из красной кожи. В этом номере обычно останавливались коронованные особы, арабские шейхи и крупные российские бизнесмены. Хотя справедливости ради стоит сказать, что в этом номере жили не только российские, но и казахстанские, украинские, грузинские миллионеры.

Они уселись в кресла, и сенатор протянул коробку с дорогими кубинскими сигарами. Дронго покачал головой. Он никогда в жизни не курил. Сенатор взял сигару, ловко ее обрезал. Его супруга достала из сумочки тонкую пачку легких сигарет. Помощник возник у них за спиной, шелкнул зажигалкой. Очевидно, сюда не хотели пускать официантов и служащих отеля.

— Давай узнаем у нашего гостя, что он хочет пить, Арсений, — предложил Кирпичников, — и, конечно, у Натальи Аристарховны.

Арсений взглянул сначала на хозяйку:

— Что желаете?

— Как обычно, — коротко приказала Наталья.

— Воду без газа, — попросил Дронго.

— А мне джин с тоником, — приказал Кирпичников.

Арсений кивнул и почти бесшумно исчез за дверью. Сенатор раскурил сигару.

— Я давно хотел с вами встретиться, — признался он, — но мне говорили, что вы очень занятой человек и крайне неохотно идете на контакты.

— Мне просто не нравится тратить время на ненужные разговоры, — признался Дронго, — наша жизнь так коротка, а неприятные собеседники отнимают у нас минуты драгоценного времени. Кажется, Эйзенхауэр говорил, что, если вы хотите быть счастливым, нужно ни одной секунды не думать о людях, которые вам неприятны. И тем более не стоит тратить на них свое время.

Он увидел, как одобрительно кивнула ему супруга сенатора. Ей явно понравилось это выражение американского президента.

— У меня так не получается, — развел руками Кирпичников, покосившись на супругу, — я госу-

дарственный человек и часто должен встречаться с людьми, которые мне изначально неприятны. Но таковы издержки нашей профессии.

— Насколько я знаю, вы по своей основной специальности строитель, а политикой начали всерьез заниматься только несколько лет назад.

— Вы хорошо информированы, — кивнул сенатор, снова взглянув на супругу, — мне нравится, что вы навели справки, прежде чем решили со мной встретиться. Это обнадеживает.

Супруга кивнула в знак согласия. Она наблюдала за Дронго, рассматривая его как любопытный экземпляр. Очевидно, деньги отца и положение мужа позволяли ей так бесцеремонно разглядывать любого, кто попадал в поле ее зрения. Сидевший перед ней незнакомец был скорее похож на бывшего спортсмена или телохранителя, чем на известного аналитика. Высокого роста, широкоплечий, с мощным торсом и длинными руками, он невольно привлекал к себе внимание. Большой лоб, высокие скулы, темные пронизательные глаза все-таки выдавали в нем человека интеллектуального. Она взглянула на его руки и пальцы. «Если такой человек сильно ударит, то он может убить своего врага», — неожиданно подумала женщина и даже поежилась от удовольствия.

Арсений внес на серебряном подносе бутылку

минеральной воды без газа, пустой стакан и большой стакан джина с тоником. Для женщины — какой-то коктейль. Он аккуратно расставил все на столике и вышел.

— Спасибо, — Дронго был единственным, кто поблагодарил Арсения за его усердие. Сенатор и его супруга посчитали излишним произносить какие-нибудь слова.

Кирпичников выпустил струю дыма. Еще раз взглянул на супругу и начал говорить:

— Дело в том, господин Дронго, что я уже несколько дней пытаюсь вас найти. Я наводил справки, и мне сказали, что вы лучший эксперт в этой области. И вообще лучший по всем статьям. Некоторые считают, что вы умеете читать чужие мысли. Возможно, и так. Но мы нуждаемся в вашей помощи. Деньги для нашей семьи не проблема. Только назовите сумму, которая вас устроит. Нам нужна ваша помощь.

Дронго обратил внимание, что сенатор говорит во множественном числе — «мы». Супруга Кирпичникова продолжала разглядывать «любопытный экспонат», сидевший перед ней.

— Вы пока не сказали, что именно я должен сделать, — напомнил Дронго.

— Я думаю, что вы уже знаете, — сенатор заерзал в тяжелом кресле, и оно жалобно скрипнуло.

— В начале августа погиб младший брат моей супруги, — продолжал Николай Данилович, — он умер неожиданно, в больнице, куда мы его привезли. Врачи считали, что у него была язва, но мы точно знали, что он никогда язвой не болел. И вообще был здоровым человеком. Можете себе представить состояние его отца, состояние Натальи, мои переживания.

Он нахмурился. Потушил свою сигару:

— Разумеется, мы не стали делать вскрытие, чтобы не травмировать Аристарха Павловича. Он и так очень тяжело переживает смерть сына.

Сенатор тяжело вздохнул. Наталья резким движением руки потушила сигарету и неожиданно вмешалась в разговор:

— Вы должны понять наше состояние. В тот момент мы просто не понимали, что происходит, — сказала она резким, глуховатым голосом. — Нам казалось, что весь мир перевернулся. Мой отец до сих пор не пришел в себя.

— Да, — кивнул Кирпичников, — ему очень тяжело.

— Понимаю, — сказал Дронго, — и сочувствую вашему горю.

Кирпичников протянул руку, взял свой стакан и сделал несколько больших глотков. Затем вернул стакан на столик. Покосился на жену, оче-

видно, ожидая, что она захочет еще что-нибудь добавить. Но она молчала. Тогда он продолжил:

— Врачи выдали нам заключение, но нам было просто не до этого. Вы же знаете, как это бывает. Нужно было обговорить массу неприятных деталей, купить место на кладбище, провести похороны, поминки. В общем, все, как полагается. Уже позже, через несколько дней, мы стали изучать это «заключение». И сразу в него не поверили. Я показывал это заключение нескольким опытным врачам, и все говорили по-разному. Мы не знали, как нам быть, пока Наталья не решила сделать эксгумацию, так это называется... эксгумацию трупа.

Дронго подумал, что, несмотря на все громкие титулы Кирпичникова, движущим началом в их семье была супруга сенатора. В ней чувствовалась сила, свойственная решительным женщинам.

Сенатор снова взглянул на жену. Но она молча отвернулась. Ей, очевидно, пришлось пережить серьезное испытание.

— Мы провели эксгумацию, — повторил Кирпичников, — и ничего не сказали моему тестю. Сделали все тайком от него. Но нам нужно было знать правду...

Он замолчал. Затем протянул руку, достал вторую сигару. Обрезал ее, но не стал закуривать, а по-

ложил рядом с собой. Провел рукой по лицу, словно пытаюсь отогнать неприятные воспоминания.

— Узнали? — наконец спросил Дронго.

— Да, — прохрипел Кирпичников, — его убили. Отравили. В этом нет никаких сомнений. Эксперты-патологоанатомы пришли к единодушному мнению. Его отравили. И поэтому я решил найти вас. Теперь вы понимаете, почему мы искали вас так настойчиво?

Глава 2

Дронго молчал. Можно было предположить, что ему поведают нечто подобное. Кирпичников закурил вторую сигару.

— На этот раз мы все точно проверили. Анализы отправили даже в Санкт-Петербург. Но эксперты настаивают, что ни о какой ошибке не может идти и речи. Он погиб, и это был яд, который они нашли в его уже разложившемся теле.

Наталья нахмурилась. Она хотела достать вторую сигарету, но не стала этого делать. А лишь положила пачку на стол. И снова вмешалась в разговор:

— Его убили, — резко и беспощадно произнесла она, — в этом нет никаких сомнений. И я хочу знать, кто это сделал. Меня не интересует, какими метода-

ми вы добиваетесь своих результатов. Если вам нужен миллион, мы дадим вам миллион. Если нужно два миллиона, мы дадим два. Но я должна знать, кто это сделал. И почему. Я ничего не говорила своему отцу, но уверена, что и он испытывает подобные чувства. Мой отец достаточно умный человек и понимает, что Егор не мог умереть просто так. Молодой человек возвращается домой с вечеринки и неожиданно попадает в больницу. А потом вдруг умирает. Понятно, что ничего так просто не бывает. Отец и муж подняли на ноги всю больницу, и врачи просто от страха выдали такое идиотское заключение.

Кирпичников слушал жену, и Дронго наблюдал за сенатором. Тот сидел достаточно спокойно, но было заметно, что словоохотливость супруги несколько нервировала Николая Даниловича. Но он предпочитал молчать и не делать жене замечаний в присутствии гостя.

— Я вас понимаю, — осторожно сказал Дронго, — но учтите, что это не простое расследование. После смерти вашего брата прошло довольно много времени. Люди не всегда помнят детали вчерашнего вечера, а тем более им трудно вспомнить события, которые произошли месяц назад. Вы должны отчетливо представлять, насколько мне будет сложно, если даже я попытаюсь взяться за это дело.

Кирпичников хотел что-то сказать, но жена его решительно перебила:

— Мы все понимаем. И поэтому прилетели сюда встретиться с вами. Неужели вы считаете, что у российского сенатора так много свободного времени? Но я уговорила Николая Даниловича на эту встречу, потому что мы навели о вас справки. Вас считают самым лучшим, самым опытным, самым авторитетным экспертом в области расследований. Можете не сомневаться, мы смогли бы нанять любого частного детектива в Москве или где-нибудь в Европе. Но нам нужны именно вы. И ваша работа будет соответственно оплачена.

Дронго улыбнулся.

— Не нужно все время говорить о гонорах, — мягко попросил он, — это оскорбительно и бесполезно. Если я решу взяться за расследование, то сделаю это не потому, что вы дочь известного бизнесмена и супруга не менее известного сенатора. А только потому, что любая подобная загадка — это некий вызов, который преступник бросает всему обществу. Всем нам, и мне в том числе.

Кирпичникова несколько удивленно взглянула на мужа. Тот решил, что пора вмешаться.

— Мы не хотели вас обидеть, — примиряюще произнес он, — нам важно, чтобы вы согласились нам помочь.

Он умел разговаривать с людьми в отличие от своей безапелляционной супруги. Если Наталья сказала, что они «предлагают эту работу», то он, изменив вектор общения, добавил, что им нужна «его помощь». Важно было оценить его тактичность. Дронго согласно кивнул головой:

— Я вас понимаю. Но прежде чем я соглашусь, я должен обговорить ряд своих условий.

— Безусловно, — сразу согласился Кирпичников, — я заранее согласен на любые ваши условия. В данном случае нам важен конкретный результат.

— Почему вы не обратились в прокуратуру, если у вас есть бесспорные доказательства преступления?

Кирпичников тяжело вздохнул. Они переглянулись с женой, и сенатор решил, что сам должен ответить на этот вопрос.

— Есть некоторые моменты, о которых мы скажем вам позже, если вы согласитесь на это частное расследование, — пояснил Николай Данилович. — Мы надеемся, что вы сможете гарантировать нам определенный результат. Мы наводили о вас справки.

— Во-первых, я его не гарантирую, — начал Дронго, — я не волшебник и не могу дать абсолютную гарантию, что смогу раскрыть это преступление. Но вы можете не сомневаться, что я сделаю все,

что в человеческих силах, чтобы его раскрыть, если оно действительно произошло. Разумеется, в этом случае мы оговариваем часть гонорара, которую вы мне выплачиваете при любых обстоятельствах...

— Конечно, — согласился Николай Данилович.

— Подожди, — перебила его супруга, — значит, если господин Дронго не добьется никаких результатов, он все равно получит наши деньги? По моему, это неправильно...

— До свидания, — поднялся Дронго, — торг окончен. Здесь не восточный базар.

Он повернулся и пошел к выходу.

— Пойдите! — крикнул ему Кирпичников. — Пойдите, не уходите. Я же сказал, что согласен на все ваши условия. Почему ты все время вмешиваешься? — нервно спросил он у жены.

— Господин Дронго, — повысила голос Наталья, — одну минуту...

Он остановился, обернулся. Когда к нему обращается женщина, выходить из комнаты, не попрощавшись, было не в его правилах. Она быстро поднялась, подошла к гостю, судорожно схватила его за руку.

— Вы должны меня понять, — с явным усилием произнесла Наталья. — Вы должны понять меня, — повторила она. — У меня такое состояние, как будто безжалостно вырезали часть моей души.

Часть моей жизни. Он был младше меня на восемь лет, и я его очень любила. Не уходите. Пожалуй-ста, не уходите. Я была не права. Извините меня.

— Ваши извинения приняты, — согласился Дронго, — я понимаю ваше горе и сочувствую вам. Но не нужно пытаться меня оскорбить при каждом удобном случае. Я заключаю с вами деловое соглашение. Возможно, я не сумел стать сенатором, как ваш супруг, или главой корпорации, как ваш отец, но я требую не меньшего уважения. Хотя бы потому, что мы должны будем работать как партнеры.

Она выпустила его руку, и они вернулись на свои места.

— Что еще? — спросил Кирпичников, явно недовольный поведением супруги. — Какие-нибудь другие условия?

— Я веду расследование так, как мне удобно, а вы должны мне помогать, — продолжал Дронго, — это во-вторых. То есть никаких секретов, никаких тайн. Любую информацию, которая мне понадобится, вы должны мне предоставлять. Разумеется, я отвечаю за конфиденциальность. Заранее продумайте и решите, согласны ли вы на мое второе условие.

Сенатор опять переглянулся с женой.

— Конечно, мы согласны, — сказал Николай Данилович, — и мы готовы рассказать вам все, что мы знаем.

— И третье условие. Никто не должен знать о нашей встрече и нашем соглашении. Пока я сам не решу, что эту информацию можно обнародовать. Я должен работать в достаточно спокойной обстановке.

— Принимаем, — сразу согласился Кирпичников, — поверьте мне, мы даже Аристарху Павловичу не сообщили, зачем вылетаем в Италию.

— Он не знает, что вы решили провести собственное расследование?

Кирпичников тяжело вздохнул и покачал головой:

— Не знает. И не должен знать. Принимая во внимание его состояние... У него больное сердце, и после случившегося...

— Для него это самый большой удар в жизни, — торопливо добавила Наталья.

— Понимаю. У меня больше нет никаких условий. Я согласен принять ваше предложение и сделать все, что в моих силах. Но для начала вам нужно будет ответить на несколько моих вопросов.

— Пожалуйста, — кивнул Кирпичников.

Жена сидела рядом достаточно спокойно. Она уже не пыталась вмешиваться, поняв, что столкнулась с человеком, у которого гораздо более сильный и сложный характер, чем у ее супруга.

— Почему вы стали подозревать, что его уби-

ли? — спросил Дронго, устраиваясь поудобнее в своем кресле. — Почему вы решились на эксгумацию трупа?

Кирпичников пожал плечами, нахмурился.

— Это жена, — коротко ответил он, — она настаивала на этой... проверке. Не давала мне покоя. Она была убеждена, что он не мог умереть просто так.

— Почему?

Сенатор взглянул на жену, как бы давая ей возможность высказаться.

— Я не поверила, — объяснила Наталья, — я не могла поверить. Он, правда, курил и никогда не ограничивал себя в алкоголе. Но в двадцать восемь лет умереть от язвы? Я ведь его фактически вырастила и знала, что он был абсолютно здоров.

— Вы сказали «вырастила»? Что это значит?

— То и значит. Я заменила ему маму. Когда ему было восемь, а мне шестнадцать, наша мама умерла. У нее был рак. Отец делал все, чтобы ее спасти, показывал лучшим врачам, но это было еще в советское время. Тогда нельзя было выезжать за рубеж и лечиться в Америке или Германии. В восемьдесят восьмом году. Егор был во втором классе. Я — в десятом. Нам было одинаково больно и плохо. Но я была старше. Теперь понимаете, почему я так психую? Он был мне очень дорог.

— Каждый раз, когда я сталкиваюсь с подобными случаями, то задаю себе вопрос, почему это происходит? — неожиданно сказал Дронго. — Я не знаю ответа. Я понимаю, что даже в силу неумолимой вероятности должны быть ранние смерти, неполные семьи, потери близких и родных. Не может быть такого, чтобы у семи миллиардов людей не происходило ни одной трагедии, ни одного несчастного случая. Но почему все происходит именно так? Каков замысел Творца? Или это всего лишь случайность, статистика? Не знаю. Но если происходит убийство, я твердо знаю, что здесь была не рука провидения и не статистика, а чья-то злая воля. И моя задача — противостоять этой злой воле. Немного патетически, но поверьте, что именно эта задача мне представляется самой важной.

Кирпичникова понимающе кивнула.

— Спасибо. — Она достала платок и вытерла набежавшую слезу.

— Как это произошло? — спросил Дронго.

— Был прием в корпорации «Сибметалл». Обычная корпоративная вечеринка. Пригласили известных певцов, актеров. На вечере присутствовали политики, бизнесмены, писатели, художники, в общем, обычная тусовка. — Наталья убрала платок в сумочку. — И мы с Николаем Даниловичем тоже там были. Егор приехал чуть позже, он